

С. Х. Анчек

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ В АДЫГСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению концептуальной составляющей адыгского нартского эпоса. Цель данного исследования состоит в выявлении и описании ключевых и базовых эмоциональных дискурсообразующих концептов, представляющих адыгскую лингвокультуру, на материале адыгского нартского эпоса. Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих задач: проанализировать циклы адыгского нартского эпоса; выявить и описать базовые эмоциональные концепты, образующие эпический дискурс; определить ключевой дискурсообразующий концепт. Для достижения цели использовались следующие методы: наблюдение, анализ, метод сплошной выборки, описательный метод. Научная новизна заключается в том, что понятие «НАРТ» рассматривается в качестве ключевого ядерного концепта адыгского эпоса, объединяющего вокруг себя базовые опорные элементы языка. Отмечается, что собственные имена персонажей всегда сопровождаются эпитетом «нарт» (*нарт Саусырыкъо*, *нарт Шэбатыныкъо* и т. д.). Вокруг нартских персонажей разворачиваются все действия, события, приключения, испытания, подвиги. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что базовыми дискурсообразующими концептами являются эмоциональные концепты «ЛЮБОВЬ», «СТРАСТЬ», «ВЕРА», «ВЕРНОСТЬ». Базовая эмоция «страсть» адыгского нартского эпоса обладает собственным набором контролируемых и неконтролируемых реакций субъекта. Контролируемые реакции субъекта отражаются в его речевом поведении, а неконтролируемые – в неречевом поведении субъекта. Любовь и страсть для нартов – соотносимые концепты. Они образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев. Отметим, что в словах *шИулъэгъуныгъ* ‘любовь’ и *шИоигъоныгъ* ‘страсть’ единый способ словообразования и единый корень – *шИу* ‘добро’. Настоящее исследование опирается на научные труды Л. С. Абросимовой, К. А. Андреевой, З. Х. Бижевой, Л. Ю. Буяновой, А. С. Гончаровой, О. С. Макаровой, О. Г. Почепцова, Е. А. Редкозубовой, Е. К. Спицыной, А. Ш. Алтруовой, Г. Р. Нурекешовой и др. Теоретическая и практическая ценность усматривается в возможности использования результатов в теоретических дисциплинах и практических курсах по общему языкознанию, кавказским языкам, теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистике, эпосоведению, а также в процессе обучения когнитивному концептуальному анализу фольклорного текста.

Ключевые слова: адыгский нартский эпос; ключевой концепт; базовый концепт; дискурсообразующий концепт; нарт; мужество; любовь; страсть; вера; верность

Для цитирования: Анчек С. Х. Эмоциональные дискурсообразующие концепты в адыгском нартском эпосе // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 5–13. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-5-13.

© Анчек С. Х., 2023

© Anchek S. Kh., 2023

АНЧЕК Сурет Хазретовна – доктор филологических наук, заведующая отделом языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Майкоп, Россия. E-mail: ancheksuret@mail.ru

ANCHEK Suret Khazretovna – Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Language, Adygea Republic Research Institute for the Humanities named after T. M. Kerashev, Maykop, Russia. E-mail: ancheksuret@mail.ru

S. Kh. Anchek

Adygea Republic Research Institute for the Humanities named after T. M. Kerashev

Emotional discourse-forming concepts in the Adyghe Nart epic

Abstract. This article is devoted to the study of the conceptual component of the Adyghe Nart epic. The purpose of this study is to identify and describe the key and basic emotional discourse-forming concepts representing the Adyghe linguoculture, based on the material of the Adyghe Nart epic. The realization of this goal provides for the solution of the following tasks: to analyze the cycles of the Adyghe Nart epic; to identify and describe the basic emotional concepts that form the epic discourse; to determine the key discourse-forming concept. To achieve the goal, the following methods were used: observation, analysis, continuous sampling method, descriptive method. The scientific novelty lies in the fact that the concept of “NART” is considered as the key nuclear concept of the Adyghe epic, which unites the basic supporting elements of the language around itself. It is noted that the proper names of the characters are always accompanied by the epithet “nart”. All actions, events, adventures, trials, exploits unfold around the Nart characters. As a result of the conducted research, we came to the conclusion that the basic discourse-forming concepts are the emotive concepts of “LOVE”, “PASSION”, “FAITH”, “LOYALTY”. The basic emotion “passion” of the Adyghe Nart epic has its own set of controlled and uncontrolled reactions of the subject. Controlled reactions of the subject are reflected in his speech behavior, and uncontrolled reactions are reflected in the non-speech behavior of the subject. Love and passion are correlated concepts for sleds. They form a single whole in all the passages where the love line of the main characters is described. You can notice a single way of word formation and a single root Shiu “good” in the words *Shiulegunig* ‘love’ and *Shioigunig* ‘passion’. The basic emotion “passion” of the Adyghe Nart epic has its own set of controlled and uncontrolled reactions of the subject. Controlled reactions of the subject are reflected in his speech behavior, and uncontrolled reactions are reflected in the non-speech behavior of the subject. Love and passion are correlated concepts for sleds. They form a single whole in all the passages where the love line of the main characters is described. You can notice a single way of word formation and a single root Shiu “good” in the words *Shiulegunig* “love” and *Shioigunig* “passion”. The present study is based on the scholarly works by L. S. Abrosimova, K. A. Andreeva, Z. H. Bizheva, L. Y. Buyanova, A. S. Goncharova, O. S. Makarova, O. G. Pocheptsov, E. A. Redkozubova, E. K. Spitsyna, A. Sh. Altruova, G. R. Nurekeshova and other scholars. The theoretical and practical value is seen in the possibility of using the results in theoretical disciplines and practical courses in general linguistics, Caucasian languages, theoretical, applied and comparative linguistics, epic studies, as well as in the process of teaching cognitive conceptual analysis of folklore text.

Keywords: Adyghe Nart epic; key concept; basic concept; discourse-forming concept; nart; courage; love; passion; faith; loyalty

For citation: Anchek S. Kh. Emotional discourse-forming concepts in the Adyghe Nart epic. *Epic studies*. 2023; (3): 5–13. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-5-13.

Введение

Лингвокультурный и когнитивный аспекты исследования языка адыгского нартского эпоса представляются нам значимыми для развития адыгского языкознания и фольклористики. Это обусловлено когнитивной ролью языка, которая преимущественно рассматривается с двух сторон: с одной стороны, как средство познания, приобретения знаний, с другой стороны, как инструмент для переработки, хранения, передачи и порождения текстовой информации. «Соотношение между миром и его языковым представлением или образом» [1, с. 113] является составной частью языковой ментальности. Языковые феномены «слово», «фразеологизм», «текст», «концепт» в речедискурсивных процессах, по мнению Л. Ю. Буяновой, «служат “строительным материалом” друг для друга, образуя своеобразное ментальное пространство национального языка, а концепт выступает той когнитивно-ментальной структурой языка, в которой наиболее выпукло проявляется этнокультурная специфика мировосприятия и принципов мироустройства» [2, с. 15]. Нужно еще учитывать мнение З. Х. Бижевой, что «культура неотделима от

человека по способу своего бытия: именно человек является субъектом и самоцелью развития культуры» [3, с. 55]. «Так как субъектом культуры, в общем, и словотворчества, в частности, является человек, мы всегда обращаемся к его духовной сфере, которая имеет свою природу, включает процессы познания и является богатым источником творческих новаций» [4, с. 21].

Современным лидером среди объектов лингвистического исследования сегодня выступает дискурс человека и культуры. Характеристика эпического дискурса как речемыслительного процесса невозможна без описания концептов, определяющих миропонимание коллектива. А. Ш. Алтруова и Г. Р. Нурекешова выделяют дискурсообразующие и недискурсообразующие концепты. Они отмечают, что «дискурсообразующие концепты являются ключевыми, базовыми для дискурса, вокруг них строится фольклорный дискурс, они образуют концептосферу дискурса. Для фольклорного дискурса таковыми выступают концепты, отражающие ценности фольклорного коллектива, экзистенциальные значимости, концепты, которые становятся темой рефлексий, обсуждений в фольклоре. <...> На раскрытии дискурсообразующего концепта, который является темой обсуждения, строятся тексты разных жанров (например, любовные песни, пословицы о семье). Данные концепты взаимодействуют, вступая в отношения пересечения с другими фольклорными концептами» [5, с. 58].

В данной статье исследуются материалы адыгского нартского эпоса с целью выявления ключевых и базовых эмоциональных дискурсообразующих концептов эпического дискурса. По мнению А. М. Гадагатля, «адыгский эпос “Нартхэр” – самобытное древнейшее создание адыгских (черкесских) народов. Порожденный действительностью, он показывает, как жили люди, боролись с невзгодами природы, утверждали идеалы храбрости, добра и человечности» [6, с. 61].

Ключевой концепт адыгского эпического дискурса

Нарты – это благородные и отважные герои-богатыри, наделенные невероятной силой, о происхождении и приключениях которых адыго-абхазские народы сложили сказания. Адыги считают их своими предками, они идентифицируют себя с нартами. Инициальной формулой адыгских сказаний о нартах часто становятся такие языковые единицы как «в те поры, когда жили нарты», «во времена нартов», содержащие ключевое для всего эпоса слово «НАРТЫ»: *Ижъ дэд ар зыхъугъэр. Ащыгъум тихэку нартхэр исыгъэх* [6, с. 215] – ‘А было это давно. **В то время** в наших краях жили нарты’¹; *Нартхэм я зманым цылац испыхэр лъэпкъыу* [6, с. 181] – ‘**Во времена нартов** жили карлики-испы’.

Концепт «НАРТ» в адыгском эпосе репрезентирован такими единицами адыгейского языка как 1) *Нартхэр* «Нарты»: *Нартхэм ямылэрысэ ехьыллагъэу мыц фэдэ хъишъэ горэ адыгэмэ ахэлъ* [6, с. 95] – ‘Среди адыгов бытует сказание о золотой яблоне нартов’; 2) *Нарт я Бын* «Семейство (Общество) Нартов»: *Нарт я Бын гумэкI улэ хъугъэ* [6, с. 96] – ‘Семейство Нартов постигло горе’; 3) *Нарт я Хасэ* «Совет Нартов»: *Нартхэм я Хасэ зэфэси, Иофым эпэсыгъэн фаем рыгуыцIагъэх* [6, с. 96] – ‘Совет Нартов собрался, обсудили, что с этой проблемой делать’; 4) *Нартыжъэхэм я Хэку* «Страна нартов»: *Нартыжъэхэм я Хэкум зэгурьм бишъэ бзаджэу чынтыдзэр къызэрыгуат, – нарт блыпкъ ткъутэниц, Нарт хэку тхъуницIэниц, нарт лъапсэр дгъэныниц, – жаIэри* [6, с. 29] – ‘Однажды на страну нартов напали злые вражеские чинты, – разгромим нартскую основу, разграбим страну нартов, срежем нартский корень, – сказав’.

Языковые единицы *Нарт*, *Нарт я Бын*, *Нарт я Хасэ*, *Нартыжъэхэм я Хэку* образуют синонимический ряд, доминантой которого является лексема «НАРТ». Она так же становится определяющим ключевым понятием, т. е. эпитетом, для «100 антропонимов» [7], которые образуют антропонимическую систему адыгского нартского эпоса: *нарт Саусырыкъо* ‘нарт Саусырыко’, *нарт Шэбатыныкъо* ‘нарт Шабатыныко’, *нарт Пэтэрэз* ‘нарт Пэтэрэз’, *нарт Ацэмэз* ‘нарт Ащамез’, *нарт Лъэпш* ‘нарт Глепш’, *нарт Нэсырен* ‘нарт Насрен’ и др.

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи.

Как видно из фактического материала, в качестве ядерного концепта адыгского эпоса, объединяющего вокруг себя базовые опорные элементы языка, выступает концепт «НАРТ». Отметим, что собственные имена персонажей всегда сопровождаются эпитетом «нарт». Вокруг нартских персонажей, а их в адыгском эпосе встречается около ста, разворачиваются все действия, события, приключения, испытания, подвиги. И им, как и любому человеку, присущи различные эмоции. Эмоции отражают субъективное оценочное отношение человека к различным ситуациям и объектам. К классу эмоций относятся настроения, чувства, аффекты, страсти, стрессы.

«Сюжетным ядром адыгского эпоса “Нарты” служат культурные деяния героев, таких как Сатанай-гуацэ, Саусырыко, Шэбатыныко, Тлепш, Ащамез, Пэтэрэз и другие. Каждый из этих героев выделяется среди остальных по своему преобладающему качеству. Например: Сатанай-гуацэ выделяется среди остальных героев своей невероятной красотой и дальновидностью, нарт Саусырыко – своим умом и хитростью, Шабатынуко – храбростью, Тлепш – умелым владением кузнечным ремеслом, Ащамез и Пэтэрэз – своим бесстрашием, Лацын – “острием” языка и невероятной силой, Адыиф – как излучающая свет, Маличипху – как находчивая хозяйка и верная жена и т. д.» [8, с. 157]. Преобладающие качества нартов становятся источником эмоционального дискурса, призывая к коммуникативному существованию, наполненному человеческими переживаниями.

Ценностный центр героя весьма динамичен, изменчива его структура, в частности, иерархия концептов. А. С. Миронов отмечает, что «для одного и того же эпического героя в различные периоды его богатырской “биографии” разной ценностью обладает собственное призвание (Добрыня) и принятые на себя заповеди (Илья) или обеты (Садко), институт княжеской власти (Илья), пленные соотечественники (Добрыня), институт христианского брака и “любовь телесная” (Алеша, Потык), воспитание ребенка (Илья), “золота казна” (Садко), вино (Потык)» [9].

Референции «достойный витязь», «достойный юноша», «совершавший подвиги», «сильный и мужественный витязь», «славился умом и хитростью», выявленные в адыгском эпическом дискурсе, характеризуют силу, мужество, героизм нартов. О нарте Саусырыко: «**Добрый, справедливый и мудрый**», «Славился умом и хитростью», «Рассказывают, что Саусоруко был **достойным витязем**» [10, с. 20]. О нарте Шабатыныко: «**сильный и мужественный витязь**» [10, с. 29], «**достойный** юноша» [10, с. 27]. О нарте Насрен: «**Добрый, справедливый и мудрый** предводитель по имени Насрен» [10, с. 22]. О нартах: «Собрались они на хасе. Вспомнили и Имыса, Арыша, Саусырыко, ранее **совершавших подвиги**» [10, с. 22]. Выявленные адъективы (мудрый, достойный, сильный, мужественный, добрый, справедливый, умный) являются средствами репрезентации широкого гнезда концептов, таких, как «героизм», «воинственность», «мужество», «взаимопомощь», а их ядром является концепт «нарт». Так же отметим, что концепт «нарт» сопряжен с такими базовыми дискурсообразующими эмоциональными концептами как «любовь», «страсть», «вера», «уверенность», «верность».

Базовые дискурсообразующие эмоциональные концепты

В отличие от других этносов, у адыгов было не принято говорить прямо о своих чувствах, поэтому, как отмечает Н. А. Тов, «в ситуации сватовства обеими сторонами использовался *хьорыбзэ* – метафорический иносказательный язык игрового ухаживания. Когда девушка выбирала потенциального жениха, она через посредников ставила в известность родителей об этом. В случае их согласия на брак, молодые обменивались *Луж* – залогом верности и назначалась дата увоза невесты.

Была и такая форма брака у адыгов как умыкание. Он имел три разновидности: насильственное похищение – вопреки воле девушки и ее родных; увод невесты с ее согласия, против воли родителей; уход невесты, то есть фиктивное похищение по соглашению всех заинтересованных сторон» [11, с. 426].

Концепт «ЛЮБОВЬ» является одним из базовых эмоциональных концептов в любой лингвокультуре. В этнокультурном выражении нартского языкового сознания концепт *ШУЛЬЭГЪУНЫГЪ* «ЛЮБОВЬ» часто заменяется самым близким концептом-синонимом «СТРАСТЬ», который в адыгском эпическом дискурсе передается словами: *шлоигъоныгъ* ‘желание’, *гуетынышхуагъ* ‘обожание’, *фэцэныгъ* ‘склонность к чему-л.’. Любовь и страсть для нартов соотносимые концепты. Они образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев. Можно заметить единый способ словообразования и единый корень *шу* ‘добро’ в словах *шульэгъуныгъ* ‘любовь’ и *шлоигъоныгъ* ‘страсть’.

Отражая адыгское языковое сознание, «Русско-адыгейский словарь» под редакцией Ю. А. Тхаркахо описывает «любовь» как: 1) *шульэгъу* ‘любовь’, *гукIэгъу* ‘милосердие’, 2) *шульэгъуныгъ* ‘любовь’, *гүфэбагъ* ‘проявление нежности, теплоты’, *кIэсэныгъ* ‘милое отношение’, ‘проявление любви’, *гъэшлоныгъ* ‘ласка’, ‘лелеяние’, *гүфэбэ-кIэсагъ* ‘теплота’, ‘нежность’ [12, с. 682]. «Страсть» описывается как: 1) *шлоигъоныгъ* ‘желание’, *гүлпырыгъ* ‘горячее сердце’: *гүлпырыгъгъэр гъэкIосэн* ‘обуздывать страсти»; *шлоигъоныгъгъэр гъэблын* ‘разжигать страсти»; 2) *гуетынышхуагъ* ‘большое напряжение’, ‘большая страсть’: *эфыжсагъгъэу Iоф ышIэнэу ыкIи гуетыныгъэшхо хэлъынэу ешIы шIэныгъэм (наукэм) цIыфыр* ‘большого напряжения и великой страсти требует наука от человека’ (И. П. Павлов); 3) *фэцэныгъ*: *тхылъым фэцэныгъ* ‘страсть к книге»; 4) *инэу зыфэцагъгъэр, шу ыльэгъурэр*: *къэгъагъэхэр инэу шу сэлъэгъух* ‘цветы моя страсть’ (Ромашов); 5) *шульэгъуныгъгъэ зымышIэжъ*: *ац шульэгъуныгъгъэ зымышIэжъ сэ экIэм къысхилъхъагъ* ‘она возбудила во мне мгновенную страсть’ [13, с. 741].

На наш взгляд, базовая эмоция «страсть» адыгского нартского эпоса обладает собственным набором реакций субъекта, куда относятся контролируемые и неконтролируемые реакции. Контролируемые реакции субъекта отражаются в его речевом поведении, а неконтролируемые – в неречевом поведении субъекта. В разных вариантах нартских текстов неречевое поведение субъекта – нартского пастуха, охваченного страстью, манифестируется в языковых формах: *бэрэ къехъуапсэу къеплъыгъ* ‘долго страстно смотрел’, *идэхэгъэ шлогъэшIэгъонэу къехъопсагъ* ‘ее красота была причиной страсти’, *зыфэмыIажэу дихъыхыгъ* ‘воспылал страстью’, *ыгу къэбырсырыгъ* ‘затрепетало его сердце’, *зэкIэм къызэкIэблагъ* ‘огонь охватил тело’.

Согласимся с мнением Е. К. Спицыной и К. А. Андреевой, что «эмоциональная доминанта концепта “страсть” передает значение скоротечности и непостоянства этого чувства» [14]. К примеру, в адыгском нартском эпосе встречаются примеры, передающие следующие значения концепта «страсть»: 1) значение «скорость, быстрота»: *зехъуапсэм, нэпсыр шуIэкIэкIи* ‘охватившись страстью, не совладал он с собой»; 2) значение «неуправляемость»: *къехъуэпсацэри инэпсыр хуэубыдыжакъым* ‘слишком увлёкся и не смог удержать своё семя»; 3) значение «сила и интенсивность чувства»: *зы чылэхъэ ткIопс псыкIыIумджэ къызыфегъачъэм* ‘когда в ее сторону пустил семя по поверхности воды’, *инэпсыр бгъурыль мывэм тыригъэхуац* ‘его семя на камень попало’.

Страсть может возникнуть при появлении предмета обожания. К примеру, главная героиня нартского эпоса Сатанай-гуаша, которая *дахэу, къабзэу, зэкужу цытац* ‘была красивой, чистой, аккуратно сложенной’ [15, с. 149], *лэшизу дэхэгъ* ‘очень красивая была’, *ыкIышго фыжъ* ‘светлокожая’, *цIыхубз дахэт* ‘красивая женщина’ [15, с. 25], *шъузышуIу, дэхэ блэIигъгъэу цытыгъ* ‘благородная, неестественной красоты женщина’ [15, с. 27], *хъабз уд дахэр* ‘красивая сучка’ [15, с. 28], *гоцэ гъэшIэгъон* ‘интересная княгиня’, *гоцэ ебгэ шхъуахъ* ‘злая княгиня-проказница’ [15, с. 22], становится объектом страсти нартского пастуха, увидевшего ее на берегу реки: *Сэ сицIэкIэ къэхъуа гуэбдзэджым и хъопсэныгъэм куэдрэ жыжъгъэ пэтми къыхэкIац, – жиIац Сэтэней* гуашэ ‘Я была причиной его страсти; хоть и была я очень далеко, так случилось, – ответила Сатаней-гуаша’ [6, с. 190].

Нарт Саусырыко при виде одинокой красавицы Адыиф, оказавшись с ней под буркой, обошелся с ней как мужчина с женщиной: *Бзыльфыгъэ закъоу ахэтыр ыгу рихъыгъ*. <...> *Къэло-налом хэмыхъу, зэрэхъугъэми гу лъамытэу лыгъэ-шъузыгъэкIэ Саусырыкьо бзыльфыгъэм дзэкIуагъ* [16, с. 167] – ‘Единственная женщина среди них понравилась ему. <...> Не вступая в разговор, не понимая, что делает, Саусырыко обошелся с ней как мужчина с женщиной’. Данный микротекст отражает страсть как одну из многих граней любви, охватившую разум, победившую гордость. Далее происходит удивительная трансформация страсти, которая переходит в «ответственность»: *Ац лыпытэу Саусырыкьо Iадыиф шъузыкIэ ыштэжъыгъ* [16, с. 167] – ‘После случившегося Саусырыко сразу же взял Адыиф в жены’.

О. С. Макарова и А. С. Гончаров считают, что «для многих Нартов страсть скорее соотносится с концептами “вера”, “уверенность”, “верность”, становясь при этом переходным аттрактором. Эти концепты образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев» [17, с. 106]. Адыиф была уверена в правдивости действий первого мужа, поэтому верила ему и была верна до тех пор, пока эта уверенность не потеряла смысл. И тогда ее охватила страсть в значении «боль/ужас», которая заставила совершить следующие вербальные и невербальные действия: *Джы нэс мы дунаим илашIугъэ сыхэзгъэныгъэр, къычIэсхынышъ хъамэ язгъэшхыцт, – ылуи къэм хъанцэ жицт тыритхъугъ* [16, с. 167] – ‘Того, кто до сих пор лишал меня сладости жизни, выкопаю и отдам собакам на съедение, – сказав, начала раскапывать могилу’.

Предметом обожания самой главной героини нартского эпоса становится «ЦВЕТОК», которую она увидела на бору и принесла домой: *Сэтэнай-Гуацэм къэгъэ дахэ горэ Пшызэ Iушъо, мзэблыгу горэм къотэу къыцилгъэгъугъ* [6, с. 95] – ‘Сатанай-Гуаша увидела **какой-то красивый цветок** на бору возле реки Кубань’. Она все сделала, чтобы окультурить ее и видеть каждый день у себя.

К примеру, предметом страсти трех голубей становится «ЯБЛОНЯ»: *Натыхэмэ дышгъэ чыгъ горэ ялагъэу къаIотэжъы* [6, с. 98] – ‘Рассказывают, что у нартов была одна золотая яблоня’. *Мафэ къэс зы мыIэрысэ къытыкIэтыгъ* [6, с. 98] – ‘Каждый день давала по одному яблоку’. Каждую ночь голуби прилетали и крали это яблоко, надеясь на то, что за ним придет суженый. Емынеж, узнав о яблоне, которое по сказанию *Сыфым игъаилэ хэКырым фэдиз а мыIэрысэм къыхигъэхъожъэуцтыгъ* [6, с. 102] – ‘То яблоко добавляло в жизнь человека ровно столько, сколько уходило’, был охвачен страстью завладеть им. Сатанай-гуаша догадалась, что у Емынеж злые умыслы и отказала ему. Тогда, сказав: *Ац ишIуагъэ къысэмькIынэу цытмэ, шъори къышъозгъэКIынэп* [6, с. 102] – ‘Если мне не сможет оказать помощь, пусть и вам не помогает!’, вырубил золотую яблоню нартов.

Итак, источником страсти могут стать качества предметов:

1) *дэхэгъэ* ‘красота’: *Сэтэнай-гуацэм къэгъэгъэ дахэ горэ, Пшызэ Iушъо <...> къыцилгъэгъугъ. «Мыц фэдиз зидэхгъэ къэгъэгъэр тиунэ пчъэлупэ IузгъэтIысхъанышъ, зылгъэгъурэм ыгъэшIагъоу Iорэт!» – ылуи ядэжъ (Сэтэнай – прим. А. С.) къыхыгъагъ* [6, с. 95] – ‘Однажды Сатанай-гуаше на побережье Кубани **красивый цветок** <...> увидела. «Посажу-ка я этот **необычайной красоты** цветок перед входом в наш дом, пусть растет на удивление всем!» – сказав, принесла к себе домой’;

2) *шэн-сэн гъэшIэгъон* ‘волшебные качества’: *шэн-сэн зэмьлIэужыгъохэр* ‘разные волшебные качества’ [6, с. 102], *къызэрыкIоу цытыгъэп* ‘не простое’ [6, с. 102], *изыбгъу – плъыжъыгъэ, изыбгъу – фыжъыгъэ* ‘одна сторона – красная, одна сторона – белая’ [6, с. 98];

3) функции и возможности предмета: *гъэ мзыхым <...> хахъоу, адырэ мзыхым <...> хагъоу – зы мыIэрысэ <...> къытыкIэуцтыгъ* ‘в течение шести месяцев <...> увеличивалось, в течение шести месяцев <...> уменьшалось’ [6, с. 103]; *Шъузы мыльфэм / Фыжъэр зэрэIофэу – / Шъхъац дэнэфэу / Пиъашгъэ ац къыфэхъу, / Шъузы мыльфэм / Плъыжъэр зэрэIофэу / Шъзофыцхъу – / Нат шъаор къельфы!* [6, с. 103] – ‘Бесплодная женщина, /

Белую сторону отведав, – / С шелковистыми волосами / Девочку родит, / Бесплодная женщина, / Красную сторону отведав, / Мальчика добротного – / Нартского сына родит’. При описании функций предметов используются целые синтаксические конструкции, противопоставления антонимичных слов и т. д.

Страсть может принимать и отрицательную семантику: *гур изыхэу* ‘жуть’, ‘устрашающий’: (описание внешности Еригуна): *Гур изыхэу ынэтлэгэу, / Ямышлыкэу зы нэ ис, / Унэ шлунклым исмэ, / Зэрысыри ыгээнэфэу, / Чэцим, шлунклым кыхахъэмэ, / Мафэм фэдэу нэфы ышлэу* [6, с. 197–198] – ‘Устрашающий на лбу, / Своеобразный глаз один, / Окажись он в темной комнате, / Сразу станет светло, / Окажись он ночью в темноте, / В ясный день он превратит её’.

В нартском эпосе адыгов верным другом, ближайшим помощником и объектом обожания каждого нарта является конь, который в любой ситуации помогает выжить, ради которого нарт мог пойти на смерть. Нарт никогда не бросит своего коня, даже в случае его гибели. А если он все же потеряет коня, то его по этикету считали при жизни умершим. Об этом свидетельствует данная референция, отражающая нартский обычай: *Нарт хэбзэ гээнэфагэу цыфхэм ахэлыгы. <...>. Ишы темысыжэу, лэсэу кьаклоу кьыдэхъажьырэр, мылагэу, улагэу темытэу, кьыздэхъажьыджэрэ, «лагэу» алоты, фэтхъаусхэхэти, унэм кымыклынэу цагуиклын Иофы нэпэмыкыджэрэ цаум алээгэу дэмытынэу, гьомлапхэу фахызыэрэ унэм цышкэу олэжьыфэдэжэ «цылэ-лагэу» ралоу цытыгы* [18, с. 180–181, 243] – ‘Среди людей бытовал нартский обычай. <...> Того, кто пешим ходом, не на коне, здоровый, без всякой раны, вернется, считали «умершим», соболезновали ему, запрещали без всякой нужды выходить во двор, носили ему в дом еду, до смерти называли его «умершим при жизни’’. Следующий микротекст отражает страсть, наполнившую все сердце любовью и уважением к данному анималистическому образу: – *А сипкэгьолэжь, о узыцэлэм сэ сытхыцтыгы, джы о уцылэжьэти, сэ усхын, ылуи, пкэгьолэжьэр ыпшэдакэ дилхыи, цыумэ аклэльежьэжыи, зыдэклонхэ фаем ежь апэу нэсыгы* [6, с. 202] – ‘О мой конь Пчеголеж, пока ты был жив, меня носил, теперь ты умер, я тебя поношу, сказав, закинул коня на шею, погнался за всадниками, обогнал их и пришел первым на место’.

Заключение

Итак, концепт «НАРТ» является ядром антропонимической системы адыгского нартского эпоса и широкого гнезда концептов, таких, как «ГЕРОИЗМ», «ВОИНСТВЕННОСТЬ», «МУЖЕСТВО», «ВЗАИМОПОМОЩЬ». В то же время, он связан с такими базовыми дискурсообразующими эмоциональными концептами как «ЛЮБОВЬ», «СТРАСТЬ», «ВЕРА», «УВЕРЕННОСТЬ», «ВЕРНОСТЬ». Любовь и страсть для нартов – соотносимые концепты. Концепт «СТРАСТЬ» в адыгском нартском эпосе обладает собственным набором контролируемых и неконтролируемых реакций нарта. Ключевыми значениями концепта «СТРАСТЬ» являются «скорость и быстрота чувства», «неуправляемость», «сила и интенсивность чувства», «охвативший разум», «победивший гордость», «любовь и уважение». Лексическое значение «ужас/жуть/ужасающий» актуализировано в некоторых микротекстах эпоса, описывающих устрашающий внешний вид эпического персонажа.

Литература

1. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
2. Буянова, Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. – Ставрополь : СГУ, 2010. – 283 с.
3. Бижева, З. Х. Адыгский фольклор и этнолингвокультурология // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка : сборник научных статей / ответственный редактор М. М. Паштова. – Нижний Архыз : ИП «Паштов З. В.», 2015. – С. 55–59.

4. Абросимова, Л. С., Редкозубова, Е. А. Когнитивные основания словообразовательной мотивации // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3 : Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (20–21 апреля 2023 г.). – Часть II. – С. 21–25.
5. Altruova, A. Sh., Nurekeshova, G. R. Folklore discourse as a special type of collective speech // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference (Boston, USA, March 24–25, 2019). – Boston : Problems of Science, 2019. – P. 58–62. (На англ. яз.)
6. Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов в семи томах. Т. 1 / систематизация, составление, вступительный очерк и комментарии А. М. Гадагатля. – Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2017. – 296 с. (На адыгском яз.)
7. Формы бытования ста собственных имен адыгского народного эпоса «Нарты» и вариации их произнесения у других народов, живущих на Кавказе, и убыхов, находящихся в Анатолии (Таблица 1) // Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. – Краснодар : Кн. изд-во, 1967. – С. 425–429.
8. Анчек, С. Х. Адыгский фольклор как этнокультурный феномен: когнитивный и лингвокультурный аспекты. – Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2022. – 264 с.
9. Миронов, А. С. Картина мира русского эпического сознания: цивилизационные особенности // Культурное наследие России. – 2018. – № 4. – С. 36–42.
10. Сказания и сказки адыгов / составление, вступительная статья и комментарии Ш. Х. Хута ; перевод с адыгского Ш. Хута и А. Алиевой. – Москва : Современник, 1987. – 320 с.
11. Тов, Н. А. Семья в адыгской культуре в контексте приобщения подрастающего поколения к традициям этноса // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии : материалы V Международной научно-методологической конференции, посвященной Международному десятилетию языков коренных народов (2022–2032) (Майкоп, 14–16 марта 2023 г.) / научный редактор-составитель С. Х. Анчек. – Майкоп : Изд-во Магарин О. Г., 2023. – С. 219–223.
12. Тхаркахо, Ю. А. Русско-адыгейский словарь : в 2 томах. Т. I : А – Н. – Майкоп : ГУРИПП «Адыгея», 2004. – 892 с.
13. Тхаркахо, Ю. А. Русско-адыгейский словарь : в 2 томах. Т. II : О – Я. – Майкоп : ООО «Качество», 2015. – 1025 с.
14. Спицына, Е. К., Андреева, К. А. Сопоставительный анализ эмоциональных доминант в репрезентации концепта «СТРАСТЬ/PASSION» (На материале произведений А. Н. Толстого «Хождение по мукам» и Г. Д. Лоуренса «Влюбленные женщины») // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 3. – С. 89–98.
15. Нарты. Адыгский эпос. Том 2 / ответственный редактор А. Б. Чуяко. – Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2017. – 304 с. (На адыгском яз.)
16. Нарты. Адыгский эпос. Том 5 / ответственный редактор Д. Г. Кастанов. – Майкоп : Адыгейская областная типография управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1970. – 336 с. (На адыгском яз.)
17. Макарова, О. С., Гончарова, А. С. Анализ базисных культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты» в поиске историко-культурного пути развития народов Северного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2020. – № 4. – С. 96–110.
18. Нарты. Адыгский эпос. Том 6 / ответственный редактор Д. Г. Кастанов. – Майкоп : Адыгейская областная типография управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1971. – 330 с. (На адыгском яз.)

References

1. Pocheptsov, O. G. Linguistic mentality: a way of representing the world. *Voprosy Jazykoznanija*. 1990, no. 6, pp. 110–122. (In Rus.)
2. Buyanova, L. Yu. Terminological derivation in the language of science: cognitiveness, semioticity, functionality. *Stavropol, Stavropol State University Publ.*, 2010, 283 p. (In Rus.)
3. Bizheva, Z. H. Adyghe folklore and ethnolinguoculturology. In: *Problems of preserving Circassian folklore, culture and language: collection of scientific articles*. Ed. by M. M. Pashtova. Nizhny Arkhyz, “Pashtov Z. V.” Publ., 2015, pp. 55–59. (In Rus.)

4. Abrosimova, L. S., Redkozubova, E. A. Cognitive bases of word-formation motivation. *Cognitive studies of language*. 2023, no. 3: Cognition, communication, discourse: modern aspects of research: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (April 20–21, 2023), part II, pp. 21–25. (In Rus.)
5. Altruova, A. Sh., Nurekeshova, G. R. Folklore discourse as a special type of collective speech. In: International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference (Boston, USA, March 24–25, 2019). Boston, Problems of Science Publ., 2019, pp. 58–62.
6. Narts. Adyghe epic. Collection of texts in 7 volumes. Vol. 1. Systematization, compilation, introductory essay and comments by A. M. Gadagatl. Maikop, LLC “Poligraf-Yug” Publ., 2017, 296 p. (In Adyghe)
7. Forms of a hundred proper names of the Adyghe folk epic “Narts” and variations of their pronunciation in other peoples living in the Caucasus and Ubykhs in Anatolia (Table 1). In: Gadagatl, A. M. Heroic epic “Narts” and its genesis. Krasnodar, Book Publ. House, 1967, pp. 425–429. (In Rus.)
8. Anchek, S. Kh. Adyghe folklore as an ethnocultural phenomenon: cognitive and linguocultural aspects. Maikop, LLC “Poligraf-Yug” Publ., 2022, 264 p. (In Rus.)
9. Mironov, A. S. The world picture of Russian epic consciousness: civilizational features. *Cultural Heritage of Russia*. 2018, no. 4, pp. 36–42. (In Rus.)
10. Tales and fairy tales of the Adyghe. Compilation, introductory article and comments by Sh. H. Huta; translation from Adyghe by Sh. Huta and A. Alieva. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 320 p. (In Rus.)
11. Tov, N. A. Family in Adyghe culture in the context of familiarizing the younger generation with the traditions of ethnos. In: Preservation and development of the national language in the conditions of globalization: modern methods and technologies : materials of the V International scientific and methodological conference dedicated to the International Decade of Indigenous Languages (2022–2032) (Maikop, March 14–16, 2023). Scientific editor-composer S. Kh. Anchek. Maikop, Magarin O. G. Publ., 2023, pp. 219–223. (In Rus.)
12. Tkharkakho, Yu. A. Russian-Adygean dictionary: in 2 volumes. Vol. I: A–N. Maikop, “Adygeya” Publ., 2004, 892 p.
13. Tkharkakho, Yu. A. Russian-Adygean dictionary: in 2 volumes. Vol. II: O–Ya. Maikop, LLC “Kachestvo” Publ., 2015, 1025 p.
14. Spitsyna, E. K., Andreeva, K. A. Comparative analysis of emotional dominants in the representation of the concept “PASSION” (On the material of A. N. Tolstoy’s “The Walking in Pains” and G. D. Lawrence’s “Women in Love”). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2015, vol. 1, no. 3, pp. 89–98. (In Rus.)
15. Narts. Adyghe epic. Vol. 2. Ed. by A. B. Chuyako. Maikop, LLC “Poligraf-Yug” Publ., 2017, 304 p. (In Adyghe)
16. Narts. Adyghe epic. Vol. 5. Ed. by D. G. Kastanov. Maikop, Adygea Regional Printing House of the Press Department of the Krasnodar Regional Executive Committee Publ., 1970, 336 p. (In Adyghe)
17. Makarova, O. S., Goncharova, A. S. Analysis of basic cultural concepts and value attractors of the epic “Narts” in the search for the historical and cultural way of development of the peoples of the North Caucasus. *Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2020, no. 4, pp. 96–110. (In Rus.)
18. Narts. Adyghe epic. Vol. 6. Ed. by D. G. Kastanov. Maikop, Adygea Regional Printing House of the Press Department of the Krasnodar Regional Executive Committee Publ., 1971, 330 p. (In Adyghe)